

— Похоже, я угадал, — продолжил Освальд своим низким, неторопливым голосом. — Вот почему, услышав от жреца, будто святая вода из храма Фаэ исцеляет от странной болезни окаменения, ты так легко в это поверил. Ты даже не задумался о том, что подобные предания в девяти случаях из десяти — лишь пустые слухи. Почему? Да потому, что твоя сила берет начало именно здесь. Возможно, она напрямую связана со святой водой, и ты прекрасно знаешь, на что она способна?

— Довольно логично, — лениво сменив позу, оценил Кевин.

Освальд промолчал.

Насколько Освальд его знал, если тот не отрицал слова напрямую, значит, догадка хотя бы отчасти попала в цель.

В голове молодого Императора замелькали обрывки воспоминаний: их первая встреча; Кевин, который с ленивым видом пил послеобеденный чай и обводил его вокруг пальца; или те редкие моменты, когда Кевин с непривычной серьезностью рассказывал ему невесть где услышанные легенды...

Как бы неохотно он это ни признавал, еще в бытность юным господином он, с одной стороны, жутко раздражался на Кевина, а с другой — невольно тянулся к его особому внутреннему настрою.

В юности, когда в нем бушевал дух противоречия — против неба, земли и самого себя, — он и думать не хотел о причинах своих чувств. Но теперь, повзрослев и научившись сдерживать порывы, он оглянулся назад и наконец нашел объяснение. Это так называемое особое притяжение... было невозмутимостью, выходящей за рамки возраста и физического облика.

Подобное качество легко пробуждало в детях инстинктивное преклонение перед силой. Точно так же в детстве, читая «Канон Богов», он испытывал необъяснимое восхищение перед некогда непобедимым Богом Света.

Когда Кевин впервые появился в поместье Пах, ему было от силы лет семнадцать-восемнадцать. Он должен был казаться зеленым новобранцем, который только-только вступил в резервные войска и не видел настоящих сражений, однако в его жестах и манерах не чувствовалось ни малейшей робости или юношеской неловкости.

Прежде Освальд списывал все на то, что этот парень от природы остер на язык, нагловат и толстокож, и не находил в его поведении ничего странного. Но теперь, внезапно задумавшись... странным казалось абсолютно все!

Никто не рождается со сложившимся характером с самых первых детских слов — личность формируют опыт и жизненный багаж. Но сколько опыта и багажа может быть у юноши в семнадцать-восемнадцать лет?

Освальд надолго задумался, не произнося ни слова.

У Кевина затекла шея от того, что он постоянно смотрел снизу вверх, поэтому он опустил голову и потер затылок. Едва он успел сделать это пару раз, как боковым зрением заметил, что Освальд вдруг шагнул вперед и опустился перед ним на корточки.

Он накрыл своей ладонью руку Кевина, лежавшую на Земляной стеле, и, прищулив светлые, почти прозрачные глаза, придвинулся ближе.

— Сколько же лет ты на самом деле живешь?.. — понизив голос, спросил он.

Кевин слегка опешил.

Молодой Император сейчас выглядел невероятно властно. Задав вопрос, он придвинулся еще ближе и заговорил еще тише:

— Я тут подумал: когда мы впервые встретились, ты уже состоял в резервных войсках. Почти все последующее время ты провел в военном лагере. Тайком пробраться в Гробницу Бога Фаэ в этот период и остаться незамеченным было практически невозможно... Так когда же ты побывал здесь впервые?

Кевин не привык к столь близкому присутствию другого человека и инстинктивно отстранился, но его спина уперлась в густо переплетенные колючие ветви лозы.

Но Освальд продолжал наступать, придвигаясь все ближе:

— Когда ты пришел в поместье Пах, тебе действительно было всего семнадцать?..

Его голос опустился до едва различимого шепота, а кончики их носов едва не соприкасались.

Договорив, Освальд поймал себя на мысли, что при абсолютном внешнем спокойствии его разум охватывает все большее возбуждение. Кажется, он никогда раньше не смотрел на Кевина вот так — вплотную и сверху вниз.

И дело было вовсе не в разнице в росте или положении тел.

Этот невыносимый наглец, от одного вида которого зубы сводило, сейчас прижимался спиной к лозам. Из-за неловкого изгиба тела куртка плотно облегла его поджарый силуэт, и теперь, лишенный путей к отступлению, он оказался зажат в этом крошечном пространстве.

Это была поза по-настоящему побежденного, загнанного в угол человека.

Будь Кевин в обычное время мягким и покладистым, в этом не было бы ничего особенного. Но этот человек лишь казался беспечным, на деле же был невероятно стойким и твердым как камень. А когда он затихал и его лицо лишалось всяких эмоций, от него веяло ледяным равнодушием и абсолютной неуязвимостью.

И когда человек с таким негибачаемым характером проявлял хотя бы малейшую уступчивость, это обладало неопишуемой притягательностью.

Посреди этого странного возбуждения Освальд вдруг осознал: все его давние попытки досадить Кевину — будь то колкие насмешки или язвительные придирки — преследовали лишь одну цель. Он просто хотел увидеть эту непривычную, особенную сторону его натуры.

Потому что никто другой не мог ее увидеть!

Взгляд молодого Императора скользнул чуть ниже кончика носа Кевина, но тут же вернулся к его глазам.

— Сколько еще тайн... ты в себе скрываешь? — медленно спросил он.

Кевин в ответ лишь скосил глаза в сторону, словно разглядывая что-то в темноте.

Освальд невольно нахмурился и проследил за его взглядом, но не увидел ничего примечательного, кроме стоявшего на вершине Земляной стелы фонаря с насекомыми да непроглядной тьмы чуть поодаль.

Когда же он снова повернулся к Кевину, тот уже вернул себе прежний невозмутимый вид. Этот наглец набрался дерзости, похлопал Императора по щеке и с бесстыдным тоном законченного пройдохи выдал:

— Угадай.

Освальд промолчал.

Пока они стояли друг против друга, зверочеловек-гигант Дэн вместе с Маленьким Львом Баном отыскиали их, двигаясь по тропинке. Стоило им завернуть за угол, как Дэн громко крикнул:

— Так и знал, что вы пойдете по этой дороге! Я издалека заметил свет вашего фонаря... Охренеть!

Не успел он договорить фразу, как оба они остоленели.

Дэн с открытым ртом тупо переводил взгляд с присевшего перед Кевином Освальда на прижатого к лозам Кевина. Затем он мгновенно закрыл ладонью глаза Бана, развернул мальчика кругом и бесстрастным, механическим голосом произнес:

— Детям на такое смотреть нельзя, ослепнешь.

Освальд промолчал.

Кевин промолчал.

Освальд выпрямился и заодно рывком поднял на ноги потерявшего равновесие господина Фассбиндера. Но стоило им собраться с мыслями, чтобы хоть как-то объясниться, как мягкая земля под их ногами внезапно вздрогнула.

Толчок был слабым — никто из них даже не покачнулся, лишь подошвы ощутили легкую вибрацию, прошедшую по земле.

— Что происходит? — Дэн переступил с ноги на ногу и опустил взгляд, с тревогой всматриваясь под ноги. Он явно растерялся и не решался делать лишних движений.

— Без понятия. Вернемся — разберемся, — бросил Кевин, даже не взглянув на землю, и зашагал обратно.

Освальд последовал за ним, бросив на него странный взгляд.

Вскоре они вернулись к пещерам, где обитали древони. Оставшиеся там Ник и остальные уже вышли наружу, даже лекарь стоял у входа. Все они растерянно переглядывались, явно встревоженные недавним толчком.

Воины Королевства Золотого Льва отличались строгой дисциплиной. Едва завидев возвращающихся Императора и командира, бойцы Железной кавалерии Уцзинь и элитного отряда тут же сбросили с лиц растерянность и вытянулись по струнке, щелкнув каблуками.

В расе гигантских звероловцев атмосфера была куда более вольной. По натуре они были воинственными и независимыми, и строгой иерархии у них не существовало. Для них вождь оставался лишь более сильным и надежным товарищем. Поэтому, стоило Дэну подойти, другие звероловы-гиганты просто помахали ему руками и спросили:

— Эй, почувствовал толчок? Знаешь, что это было?

— Откуда мне знать! — бросил на ходу Дэн. — Эти Холмы Седой Головы вообще потухшие или действующие? Не хватало еще, чтобы из-под земли хлынула лава. Вот тогда начнется настоящее веселье, унести бы ноги успеть.

— Исключено, — глубоким голосом ответил Освальд. — На севере всего два действующих вулкана, и они находятся совсем в другой горной цепи. К тому же, кто станет строить Гробницу Богов в действующем вулкане?

Дэн замер на месте, и его лицо слегка позеленело:

— Если это не вулкан, то дела наши, кажется, еще хуже.

Недавний толчок походил на то, будто под землей шевелится нечто живое, сдерживаемое лишь толщей черной земли. Будь они в любом другом месте, это не вызывало бы таких опасений. Но они находились на кладбище. А что еще может скрываться под землей на кладбище?

От этих слов лица присутствующих помрачнели. Они принялись невольно разгребать ногами кучи прелой листвы, завороченно глядя на влажную землю, глубина которой оставалась неизвестной.

<http://bllate.org/book/18285/1753211>